

НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА.

Вотъ уже скоро десять лѣтъ мы спрашиваемъ съ чувствомъ неутолимаго горя и тревоги: какъ могло это случиться? почему не удалось это предотвратить и пресѣчь? гдѣ причины этого невиданнаго въ исторіи крушенія? и что намъ, вѣрнымъ сынамъ Россіи, дѣлать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможнымъ?

Нѣтъ смысла задавать эти вопросы въ пространство; намъ не къ кому обращаться съ ними; мы должны поставить ихъ передъ собою и сами отвѣтить на нихъ. Ибо судьбы Россіи открыты только намъ, русскимъ: міръ не знаетъ Россіи и не понимаетъ ее, и не пойметъ ее даже тогда, когда, наконецъ, догадается, что всякій образованный человѣкъ долженъ знать русскій языкъ. Намъ не отъ кого ждать свѣта и спасенія; мы можемъ рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны къ тому, чтобы понять, рѣшить и свершить. И надѣяться намъ можно только на Божію помощь и на собственную безконечную, религіозную преданность родинѣ: отсюда мы почерпнемъ наше разумѣніе, нашу волю и нашу неутомимость. И только смерть смѣнитъ насъ на посту...

Не въ матеріальныхъ основахъ жизни, не въ хозяйствѣ и не въ техникѣ надо искать послѣднихъ причинъ нашего крушенія, а въ духовныхъ основахъ: ибо — когда духъ на высотѣ, то онъ овладѣваетъ матеріальными условіями и задачами; тогда онъ подчиняетъ ихъ себѣ, строитъ, создаетъ и совершенствуетъ. Матеріальное важно и существенно; но оно есть лишь продуктъ духа и средство духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный духъ можетъ поставить матерію на высоту.

Наше крушеніе есть прежде всего духовное крушеніе: развалилась наша духовная храмина и возсоздать намъ надо прежде всего ее. И поскольку мы говоримъ именно

о крушеніи русскаго государства, постольку мы должны начать съ развалившася русскаго правосознанія.

Правосознаніе всегда живетъ въ насъ, но мы слишкомъ часто не замѣчаемъ его въ себѣ и пренебрегаемъ имъ. И за это бываемъ наказаны. Это оно говоритъ въ насъ, когда мы переживаемъ чувство гражданскаго долга; это оно удерживаетъ насъ отъ захвата и насилія, когда въ насъ просыпается голодъ или гнѣвъ; это оно обуздываетъ наши посяганія и побуждаетъ насъ исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляетъ насъ мечтать о нашемъ національномъ и государственномъ величїи; это оно заставляетъ биться наше сердце при видѣ русскаго трехцвѣтнаго флага и сжиматься болью при видѣ нашихъ униженій. Источники правосознанія — патриотизмъ и чувство собственнаго достоинства, чувство чести. Основныя проявленія его — самообладаніе и братское единеніе съ людьми единой родины. Его стихія — воля. Его орудіе — власть и подчиненіе. Его задача — крѣпкая дисциплина и несломимая организація. Облеките все это въ законъ и порядокъ — и вы создали государство. Осуществите все это силами великаго народа — и вы создадите великую державу. Подточите и разложите все это въ душахъ — и все расплзется въ смуту, хаосъ и позорную хлябь...

И вотъ, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское національное правосознаніе. Это время нынѣ истекаетъ. Оно должно пройти безвозвратно. И на насъ лежитъ священный долгъ помочь нашему народу выйти изъ этой смуты и возстановить свое правосознаніе. Иначе онъ не возстановитъ Россію.

Для того, чтобы мы, русскій народъ, смогли начать новую эпоху въ исторіи Россіи, творческую эпоху достоинства, силы и славы, намъ надо усвоить всей душой основную аксіому политики. Она гласитъ: строить государство значитъ прежде всего и больше всего воспитывать въ народѣ глубокое и сильное правосознаніе.

Правительство, уклоняющееся отъ этой задачи — подтачиваетъ бытіе своего государства. Правительство, развра-

щающее правосознание своего народа — заслуживаетъ самого позорнаго конца.

Грѣхъ русскаго дореволюціоннаго правительства на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій состоялъ въ томъ, что оно уклонялось отъ этой задачи: оно пользовалось правосознаніемъ русскаго народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни собственностью, ни справедливымъ рангомъ, ни вѣрною мѣрою свободы. Злодѣйство же совѣтскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно осуществило въ исторически небывалыхъ размѣрахъ систематическое растлѣніе русскаго національнаго правосознанія: донынѣ сѣетъ оно соблазнъ и насаждаетъ преступность въ благодушной и благородной, но дѣтской душѣ нашего народа; и этимъ оно готовитъ себѣ неизбѣжно жестокій и позорный конецъ.

Если хоть на минуту отрѣшиться отъ микроскопическаго разсматриванія текущихъ политическихъ событій и взглянуть впередъ на вѣка, то надо будетъ установить съ несомнѣнностью: будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. Народы же, захваченные порочной противогосударственностью или отравленные виѣполитической сентиментальностью — будутъ разложены и поглощены; они прекратятъ свое самостоятельное существованіе; и совершится это еще на протяженіи ближайшихъ столѣтій.

Вотъ почему русскій человѣкъ, русскій государственномыслящій патріотъ имѣетъ передъ собою основную задачу, о которой онъ долженъ думать день и ночь: задачу углубленія и укрѣпленія русскаго національнаго правосознанія.

И посмотрите, какъ исторія идетъ въ этомъ намъ навстрѣчу...

Я имѣю въ виду, конечно, не государственныя и культурныя «завоеванія» революціи, а тотъ отрицательный активъ, который накапливается въ русскихъ душахъ. Пусть глупцы или софисты говорятъ о «завоеваніяхъ революціи». Мы говоримъ о ея урокахъ и обличеніяхъ. Отрицательные уроки революціи велики и глубоки; и проходитъ

мимо нихъ непростительно даже самымъ легкомысленнымъ обывателямъ.

Такъ, передъ революціей въ умѣ и сердцѣ русской интеллигенціи царилъ хаосъ: добро и зло смѣшались до неразличимости; людямъ видѣлся ликъ «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавшихъ изъ подъ «ангельскаго» хитона никто не могъ или не хотѣлъ замѣчать. Большая религіозность интеллигенціи тянулась къ эротическому пустословію, а политиканствующая революціонность становилась чѣмъ-то вродѣ религіи. Русская государственная власть поносилась, какъ сущее зло, а ея властныя и необходимо строгія мѣры, ограждавшія бытіе Россіи, обличались, какъ «озлобленное насилие». Политическія и уголовно - политическія преступленія считались доблестью; а вѣрныя слуги Россіи убивались на всѣхъ перекресткахъ. Умъ становился все циничнѣе, а добродѣтель оставлялась на долю наивнымъ «недоумкамъ»...

Въ революціи зло выдѣлилось, обособилось, скинуло всякіе покровы и не стѣсняясь явило міру свою богомерзкую харю... — —

Видѣли ли мы ее? Испытали ли ея окаянную злобу? Поняли? Научились?... — —

Поистинѣ, никогда еще въ исторіи человѣчества не было дано людямъ такъ и такое для отрицательнаго умудренія. Никогда еще чистое зло не выявляло себя съ такимъ неприкрытымъ, сознательнымъ безстыдствомъ, съ такимъ «пророческимъ» ожесточеніемъ, съ такою навязчивою притязательностью. Здѣсь патріотизмъ и доблесть были прямо объявлены «преступленіемъ», а цинизмъ сталъ естественъ ума. Революція попрадала живую и чистую религіозность, и провозгласила свою ложь послѣдней и окончательной истиной. Досушее и нечистое пустословіе предреволюціонной публицистики смѣнилось неистовымъ срамословіемъ большевизма. Дьяволъ всталъ во весь ростъ и заставилъ русскую интеллигенцію признать, что не все на свѣтѣ «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасеніе наше — въ обращеніи взора и души къ Богу...

Послѣ революціи нельзя шататься въ духовной смутѣ. Нельзя тянуть къ «мистическому анархизму», къ «хлыстовству», къ черной и получерной магіи, къ «аристократическому бунтарству», къ «народническому непротивленству»,

къ «революціонной церковности», къ салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной безпредметности. Въ революціи пришлось научиться — вѣрно и увѣренно отличать, гдѣ въ земной жизни Дѣло Божіе, и гдѣ дѣло діавола. И тотъ, кому революціонная грязь не открыла глаза, того историческій процессъ унесетъ — или въ станъ діавола, или, какъ опавшую листву, въ ворохъ историческаго мусора.

Будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпящимся правосознаніемъ. И если мы хотимъ, чтобы Россія имѣла будущее и, притомъ, великое будущее, то мы должны стремиться къ тому, чтобы русское правосознаніе углублялось и крѣпло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означаетъ, что мы должны религиозно осмыслить право и религиозно обосновать государство. Осмыслить — не разсудкомъ; и обосновать не въ теоріи. Итъ. Цѣльно, изъ глубины, чувствомъ и волею испытать и принять этотъ смыслъ, и связать нашу государственную жизнь и дѣятельность съ послѣдними основами нашего христіанскаго боговидѣнія.

Это необходимо не потому, что «религія нужна государству»; и не потому, что «религіозность полезна народу въ моральномъ отношеніи». Но потому, что религиозно неосмысленное и неосвященное — вообще ненужно человѣку въ высшемъ смыслѣ этого слова; и то, что религиозно необосновано, т. е. не укоренено въ Бого-воспріятіи, — то мертво, бессильно и бесплодно въ духовной жизни.

Но именно поэтому, въ противовѣсъ современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, — я считаю правильнымъ поставить вопросъ такъ: если «православно» вѣрующій человѣкъ, по цѣльной и глубокой, жизненно-искренней вѣрѣ своей, считаетъ право и государство началами христіански грѣховными, злыми, «насильническими» и неприемлемыми, — то онъ долженъ не только мужественно и честно выговорить свое исповѣданіе, но и реально начать внѣгосударственную и безправную жизнь, къ какимъ бы тягостнымъ или даже трагическимъ послѣдствіямъ это ни привело его. Или же, наоборотъ, онъ долженъ выговорить

и мужественно исповѣдать обратное: онъ долженъ усмотрѣть и признать, что право и государство могутъ быть и должны быть орудіями Дѣла Божьяго на землѣ; что можно осуждать несправедливое право и можно бороться съ государственностью, и скаженою или употребленною во зло; но что слѣпо и неумно твердить объ ихъ «наильнической» природѣ. И послѣ этого онъ долженъ реально начать новую, христіански осмысленную, правовую и государственную жизнь.

Послѣ революціи нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и дѣлать другое. Прошла пора салонныхъ фразъ, отвлеченныхъ сентиментальностей и безотвѣтственной критики. Бремя Россіи пало на наши рамена. Намъ нельзя ни уклоняться, ни отказываться. Русская интеллигенція нашихъ дней (готова она къ этому или не готова) должна замѣстить павшихъ, поднять бремя, принять отвѣтственность, и честно, и мужественно осуществить свой долгъ. И помнить что революція въ Россіи была только первою пробою мірового злодѣйства; что борьба съ ея остатками и послѣдствіями захватить и рядъ послѣдующихъ поколѣній; что оправившись отъ этой революціи, Россія будетъ имѣть за спиною рядъ лѣтъ неистовой, деморализующей пропаганды, а вокругъ себя — зараженные, не переболѣвшія страны...

Надо помнить, что все двоящееся и половинчатое обречено въ начавшейся міровой борьбѣ: для него есть только два пути — въ станъ діавола или въ мусорную яму истории...

И потому необходимо, чтобы русское правосознаніе не только углублялось, но и крѣпло.

Религіозная укорененность есть первый залогъ крѣпости. ибо она дѣлаетъ человѣка — К и ѳ о ю. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитаніе народа на основахъ собственности, справедливаго ранга и вѣрной мѣры свободы.

Нельзя и неслѣпо думать, что «народъ» воспитается какъ-то «самъ собою». И если эта фраза имѣетъ вообще какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, что народъ выдвинетъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ мыслителей и воспитателей, которые сначала сами въ себѣ откроютъ путь къ вѣрному правосознанію, а потомъ укажутъ его другимъ и по-

будять этихъ другихъ насадить это вѣрное правосознаніе въ массѣ.

Но именно къ этому мы и зовемъ. И такъ оно, конечно, и будетъ: русская интеллигенція пойметъ законы духа и исторіи, встанетъ на вѣрный путь и совершитъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній дѣло національнаго воспитанія. Ибо это дѣло. дѣло національнаго воспитанія, всегда и всюду выполнялось интеллигенціей: монахомъ, пастыремъ, церкви, школьнымъ учителемъ, ученымъ, художникомъ, офицеромъ, судьей и чиновникомъ. И эта интеллигенція есть не чуждый. извнѣ приходящій, безнаціональный слой, но вышедшая изъ нѣдръ самого народа его собственная сила вѣры, воли и ума. Интеллигенція есть порожденіе народа; народъ есть созданіе интеллигенціи. Это связь глубинная, духовная, органическая. И гдѣ ея нѣтъ, тамъ національное крушеніе у порога.

Горе Россіи, если она въ ближайшія десятилѣтія не найдетъ у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенціи! Горе намъ, если этотъ слой — чувствомъ, волею и разумѣніемъ — окажется опять не на высотѣ; если онъ поддастся вліянію черной или красной полу-интеллигенціи. — черной, съ ея классовыми вождѣльнїями, съ ея обскурантизмомъ, съ ея демагогическимъ презрѣніемъ къ русскому простому народу и ея ненавистью справа; и красной, съ ея «классовою борьбою», съ ея безбожіемъ, съ ея «соціалистической» агитаціей, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слѣва!..

Но для того, чтобы воспитывать другихъ, интеллигенція должна сначала воспитать себя: воспитать въ себѣ чувство государственной отвѣтственности и способность къ цѣльнымъ и мужественнымъ поступкамъ.

Воспитаніе совсѣмъ не сводится къ «обученію» и «уговариванію». Нѣтъ, слово есть реальное событіе только тогда, когда за нимъ стоитъ дѣло: во-первыхъ, живой примѣръ. волевой поступокъ, живая система дѣйствій; во-вторыхъ, вѣрная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитанія нужны дѣла. Поддерживать кое-какъ порядокъ въ странѣ можетъ и грубый, и гнусный ре-

жимъ; для воспитанія необходима творческая мѣра собственности, справедливый и подвижной рангъ и вѣрная мѣра свободы.

Интеллигенція нуждается въ силѣ характера. Для того, чтобы вести свой народъ, она должна не только много знать и вѣрно понимать; она должна еще — вѣрно видѣть національныя цѣли и честно служить имъ.

Интеллигенція, состоящая изъ безпринципныхъ карьеристовъ и продажныхъ взяточниковъ — творитъ предательство по отношенію къ родинѣ; государство не можетъ ею строиться; и народъ или выдвинетъ на ея мѣсто новыя національныя кадры, или погибнетъ.

Интеллигенція безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная — не можетъ быть ведущимъ слоемъ своего народа; ибо ведетъ сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальнозоркость, а не безпомощная слѣпота.

Интеллигенція же, состоящая изъ профессиональныхъ агитаторовъ, поджигателей и ниспровергателей — перестаетъ быть интеллигенціей и становится вреднѣйшей разновидностью черни. Именно черни: ибо душа демагога хранитъ въ себѣ квинтэссенцію черни; именно вреднѣйшей, ибо — воинствующей, насаждающей зависть и въ честолюбіи своемъ порочной...

Еще въ Россіи, въ періодъ военнаго коммунизма мнѣ не разъ приходилось слышать и отъ коммунистовъ, и отъ заблужденнаго простонародья, и отъ впавшаго въ уныніе, смѣщеннаго интеллигента, — что въ Россіи интеллигенція «не нужна», что «народъ» и безъ нея «управится»... И каждый разъ я съ грустью думалъ, что, дѣйствительно, интеллигенція, не воспитывающая народное правосознаніе или прямо развращающая его — не нужна народу; но не нужна только потому, что она не нужна Дѣлу Божьему на землѣ. Она, поистинѣ, какъ соль, потерявшая свою силу... Но національная, волевая и честная интеллигенція, способная вести и воспитывать свою національную интеллигенцію, — и вѣрой, и дѣломъ, и реформой, и вырастающимъ изо всего этого отвѣтственнымъ и мужественнымъ словомъ, — она необходима странѣ, она необходима ей прежде всего и больше всего...

Будущее принадлежит народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И судьба Россіи зависитъ отъ того, найдется ли у нея вѣрующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенція, вѣрная Богу и родинѣ, сильная дѣломъ и словомъ...

И. А. Ильинъ.
